

М.Р. Зазулина

БАЗОВЫЕ МЕТАФОРЫ В СОЦИОЛОГИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИАЛЬНОГО

Проанализированы закономерности изменения пространственно-временных характеристик социального отраженные в метафорах, которые использует социология. Показано, что смена метафор сопровождает переход между этапами развития в социологии от классического к неклассическому и постклассическому и репрезентирует закономерность изменений пространственно-временных характеристик социального от первоначального разделения пространства и времени как двух аспектов рассмотрения социальной системы через атрибутирование им противоположных характеристик и до признания принципиальной относительности социальных пространства-времени.

Ключевые слова: метафора; поле; сеть; ризома; социальное пространство; социальное время

В одной из своих программных работ «Структура, знак и игра к дискурсу гуманитарных наук» французский философ-постмодернист Жак Деррида провел широкие параллели между метафизикой и историей Запада. Фактически он поставил знак равенства между метафизикой, западной философией, западной наукой, приравняв историю метафизики к истории запада в целом, а историю смысла – к истории как таковой [1. С. 447]. Аргументировал он это тем, что «мы не располагаем таким языком (таким синтаксисом и лексикой), который был бы чужим для этой истории (истории метафизики. – М.З.)» [1. С. 448].

Тезис Ж. Деррида постулирует наличие общих закономерностей и единых принципов в функционировании различных символических полей, определяющих содержание европейской культуры. Одним из принципов может считаться принцип функционирования дискурсов на основе метафорического переноса или, другими словами, принцип метафорической организации дискурса. Интерпретированные таким образом, «история метафизики, как и история самого Запада, оказываются историей подобных метафор или метонимий», т.е. историей подмен значений и смены наименований [1. С. 447].

Деррида и в целом постмодернисты были первыми, кто показал, что метафора является структурообразующим принципом построения различных дискурсов, таким образом, подчеркнув ее универсальный характер. При этом постмодернисты были не первыми и не единственными, кто выделил метафору в качестве механизма функционирования в дискурсе конкретной науки. В течении XX в. феномен метафоризации научных дискурсов был осознан и изучен представителями самых разных научных дисциплин. В социологии тему организации социальной теории вокруг метафоры рассматривает П. Штомпка [2], в психологии – Дж. Джейнс [3], в философии истории – Ф. Анкерсмит и Х. Уайт [4, 5]. Использование метафор также характерно для точных и естественных наук. Все отмеченные работы рассматривают метафору как необходимый принцип становления и организации научного знания, показывая, что понятие метафоры относится не только к языку, но и к принципам познания вообще.

Нидерландский философ и историограф Ф. Анкерсмит, анализируя принципы историографического

описания и развитие философии истории, не только показывает, что в основе исторического описания лежит использование метафор, но и прослеживает, как выстраивается цепочка эпистемологических доказательств. Анкерсмит приходит к выводу, что наличие метафоры является характерной чертой западной эпистемологии Нового времени, и это утверждение может быть отнесено и к философской эпистемологии, и к принципам историографического описания. Любая эпистемологическая система является метафоричной, т.е. выстроенной вокруг и на основе определенной метафоры. Такую метафору Анкерсмит называет базовой (master-metaphor). Все базовые метафоры, как правило, относятся к одному типу. «Совсем нетрудно сказать нечто более определенное относительно природы этой базовой метафоры. Мы обычно находим в окончании эпистемологического доказательства типичную оптическую или пространственную метафору» [4. С. 393]. Доказательства «постоянной очарованности эпистемологии пространственными и оптическими метафорами» могут считаться такие метафоры, как «глаз» у Витгенштейна, «зеркало природы» у Рорти. Именно такого рода метафоры «всегда определяли характер и содержание эпистемологической мысли» [4. С. 394].

Данная работа посвящена особенностям использования и смены метафор в дискурсе социологии. Будут проанализированы базовые метафоры социального. Процесс их смены будет рассмотрен как составляющая часть смены парадигм социологического описания в рамках перехода от классики к неклассике и постнеклассике в социологическом познании. При этом внимание будет акцентировано на обосновании связи метафоры с пространственно-временными характеристиками социального. Будет показано, как выделенные базовые метафоры связаны с восприятием пространственно-временной организации социального, характерным для каждого этапа развития социологии.

Как часть научного дискурса метафора обладает важными функциональными характеристиками. «Метафора “антропоморфизует” социальную и иногда даже физическую реальность и, осуществляя это, позволяет нам в истинном смысле этих слов приспособиться к окружающей действительности и стать для нее своими. И наконец, что является даже более важ-

ным, сама способность метафоры превращать незнакомую действительность в знакомую: метафора всегда предоставляет нам возможность рассматривать менее известную систему в терминах более известной. Проникновение в истину – сущность метафоры» [4. С. 85].

Основная функция метафоры – организующая, она заключается в том, что метафора обеспечивает единство дискурса и делает соотносимыми разные части дискурса между собой и с его целостностью. Характеризуя особенность организации исторического знания, Анкерсмит отмечает: «...только благодаря метафоре, единство и последовательность могли быть атрибутированы прошлому. Метафора осуществляет организацию исторического знания, и эта метафорическая организация предназначена для отражения или воплощения того единства, которое историк пытается обнаруживать в прошлом или спроектировать на прошлое» [4. С. 406]. То есть метафора организует научный дискурс в некое единство, которое позволяет отразить место предмета исследования в едином проблемном поле.

Если следовать мысли Анкерсмита, а также мысли Деррида, изложенной в начале данной статьи, мы можем предположить, что метафора не просто определяет организацию дискурса, а выполняет структурогенерирующую научный дискурс функцию. Именно наличие метафоры запускает формирование дискурса во всей его полноте и сложности: проблемное и предметные поля, система понятий и отношений между ними. Также мы можем говорить о том, что наличие метафоры определяет возможность выдвижения онтологических, методологических и эпистемологических положений, а сами понятия, взятые изначально «по аналогии», в процессе развития теории приобретают то или иное значение. В качестве примера приведем характеристику сетевого подхода в контексте использования метафоры сети в социологии, которую дает отечественный исследователь Е.А. Шенцева: «Определенно можно говорить лишь о том, что сетевой подход исходит (кроме технологических) из ряда предпосылок, имеющих онтологические и эпистемологические аспекты. Первый аспект связан с видением социально-сетевой структуры как новой (безусловно, не единственной) формы организации социального пространства, второй указывает на продуктивность изучения того или иного феномена либо через сеть его взаимодействий, либо в качестве элемента конструируемой сетевой структуры» [6. С. 203].

Мысль о сложном характере связей метафоры со всей системой понятий применительно к социологическому дискурсу развивает П. Штомпка. Его идея заключается в том, что использование той или иной метафоры влечет за собой целый ряд разделений и дихотомий, которые определяют предметное, понятийное и проблемное поля социологии, а также определенные методологические установки. А само развитие социологии характеризуется последовательной сменой нескольких базовых метафор, отражающих понимание сущности общества и принципов его развития [2].

В своей работе П. Штомпка прослеживает, как метафора организма развивается до метафоры системы и затем до метафоры поля. История развития социологии показывает, что практически параллельно с метафорой поля возникает во многом с ней соотносимая метафора сети и, наконец, с некоторыми оговорками можно говорить о том, что следующим звеном в цепочке смены метафор является метафора ризомы.

Коротко охарактеризуем суть каждой метафоры.

Первая метафора в социологии – метафора органическая. В основе ее лежат идеи сходства общества с биологическим организмом и развития общества с процессом эволюции. Использование этой метафоры можно обнаружить у всех «отцов-основателей» социологии: О. Конта, Г. Спенсера, Ф. Тенниса, Э. Дюркгейма. Впоследствии органическая метафора легла в основу системного подхода и повлияла на становление структурно-функционального анализа. [2. С. 16–21, 97–121] Органическая метафора подчеркивала в первую очередь целостность общества, слаженный, непротиворечивый характер работы его частей и поступательный характер развития социальной системы в целом. Приоритет отдавался статическим качествам системы.

Во второй половине XX в. в качестве базовых метафор в социологии активно стали использоваться метафоры поля и сети, альтернативные системно-органической метафоре. Обе метафоры привлекают внимание к динамическим качествам системы, подчеркивая необходимость мыслить общество текучим и постоянно изменяющимся. Как отмечает М. Кастельс, «морфология сети хорошо приспособлена к растущей сложности взаимодействий» [7. С. 77]. Вот что пишет о метафоре поля П. Штомпка: «Вся социальная реальность представляет собой просто динамику, поток изменений различной скорости, интенсивности, ритма и темпа, и не случайно мы часто говорим о «социальной жизни». Возможно, это более удачная метафора, нежели старый образ материализованного суперорганизма со скрытыми связями» [2. С. 26].

Метафоры поля и сети отсылают к точным наукам, они были взяты непосредственно из физики и математики и кибернетики. Их использование подчеркивает растущее количество взаимосвязей в обществе и размывание границ. Кроме этого, данные метафоры подчеркивают установку на десубъективацию и дематериализацию социальной реальности. Общество все меньше объективируется через группы, сообщества или индивидов и все больше рассматривается через призму ценностей, признаков, идентификаций, носителями которых они являются (по меткому выражению Ю.Л. Качанова, «габитус сменил субъекта»). Но также эти метафоры, особенно метафора сети, отсылают не только к позитивным, но и к негативным аспектам изменчивости, таким как принципиальная неустойчивость и неустойчивость современного общества [8, 9].

Метафора ризомы развивает установки, заданные метафорой сети, но при этом радикализирует их, предлагая еще более сложное видение социальной реальности. Термин был позаимствован из биологии французскими философами-постмодернистами

Ж. Делёзом и Ф. Гваттари и введен в оборот в их работе «Ризома» 1976 г. [10]. Образ ризомы – это символ нецентрализованной органической системы, противопоставляемый образу дерева, выступающего символом централизации и иерархии.

Метафора ризомы подчеркивает принципиальную множественность, децентрацию и неиерархичность в видении социального, нелинейность происходящих в нем процессов, отсутствие постоянных порядков и организаций, перманентную креативную самоорганизующуюся подвижность, максимальную открытость системы. Но подчеркнем, постулирование подобных свойств для Делёза и Гваттари означает и признание возможности их противоположности. Социальное может быть абсолютно разным: и центрированным и децентрированным, и иерархичным и неиерархичным и т.д. И оно может приобретать эти характеристики одновременно в разных своих частях [10]. В рамках такого подхода социальное может трактоваться как принципиальная процессуальность с непредсказуемыми будущими состояниями.

Полноценное использование понятия «ризомы» для описания социальной реальности затрудняется его недостаточной проработанностью и сложным философским языком обоснования. Интерпретаторы отмечают, что «метафора ризомы удобна не как рабочая модель для социологических исследований, а как образ крайне динамичной стохастической реальности, которая продуцирует метаморфозы и стирает грани между предметностью мира» [11. С. 113]. Несмотря на недостаточную разработанность понятия «ризомы», оно все чаще используется как максимально метафорически нагруженное понятие, призванное подчеркнуть особенности функционирования современных социальных пространств: интернет-пространства, пространства медиа, пространства коммуникации, образовательного пространства и современного социокультурного пространства.

В целом и сеть, и поле, и ризома – это типичные пространственные метафоры. При этом, на наш взгляд, во всех этих метафорах сохраняются органичность и эволюционизм, изначально заложенные в представления о социальном. Даже метафоры сети и поля не являются строго механицистскими, а предполагают восприятие общества и социального как живой системы, непосредственно реагирующей на все внутренние и внешние раздражители. Метафора же ризомы сама по себе является фитоморфной.

Однако сам тип органичности, подразумеваемой в этих метафорах, меняется. Самая первая органическая метафора О. Конта была навеяна образами гоббсовского Левиафана – это был органицизм антропоморфного типа. Эта человеко- (или бого-) подобность проявлялась и в четкой структурной (анатомической) локализации социальных элементов и в их функциональной определенности (одним из аспектов которой и выступало представление о непротиворечивости элементов социальной системы, ведь все органы в едином организме теле работают слаженно и не могут вредить друг другу). Последующие метафоры становятся все менее антропоморфными и все более ризомоподобными. Социальная сеть, которая описы-

вает общество, – это некий тканевый органоид, у которого могут реагировать отдельные участки, но при этом отсутствуют четкая функциональная определенность и пространственная локализация, а сама пространственность изменяется (у нее исчезают верх и низ, центр и границы). Таким образом, будучи пространственными, все эти метафоры формируют образ не просто текучего, но живого социального пространства.

Важно подчеркнуть что, изменения в использовании метафор не просто сопровождают изменения в социологической теории. Смена четырех основных метафор: организма, системы, сети (поля) и ризомы – в теоретической социологии наиболее четко (соответствует этапам перехода) маркирует этапы перехода от классики к неклассике и постнеклассике в социологическом познании. Таким образом, смена базовой метафоры в социологии коррелирует с изменением типа научной рациональности в рамках типологии В.С. Степина [12] В рамках классической социологии возникает метафора организма, развивающаяся до понятия и метафоры системы, в неклассической социологии метафора системы трансформируется в метафору поля и сети. В постнеклассической социологии метафора сети трансформируется в метафору ризомы. Смена базовой метафоры выступает однозначным индикатором изменений в социологической теории, означающим смену картин мира и парадигм их описания и объяснения, а также изменения проблемного, понятийного и предметного полей. Сам же дискурс о социальном всегда организован метафорически.

Следующим тезисом, к которому мы обратимся в рамках данной работы, является тезис о том, что дискурс о социальном всегда имеет пространственно-временную организацию, т.е. отражает представления о пространственно-временной организации социального. Эта тема подробно рассмотрена в работах отечественного исследователя Ю.Л. Качанова [13, 14]. Качанов отмечает, что при обращении к понятию социального пространства необходимо учитывать, что социальное пространство (а вместе с ним и социальное время) – это, прежде всего, ментальная конструкция, т.е. некий концепт, который специально создан в поле социологии, чтобы мы имели возможность рассуждать о социальном. «Пространство-время социального мира» – это концепт, который «выступает инстанцией, структурирующей и организующей (в символическом смысле) социологический дискурс» [13. С. 36]. Любой предмет социологии мы мыслим в форме пространства-времени. Предметность, концептуализация и проблемное поле социологии возникают только как результат придания пространственных и временных характеристик, которые в качестве системы координат задают направление нашего мышления о социальном и позволяют мысленно расположить все предметы относительно друг друга.

При этом пространство и время отсылают к противоположным понятиям. «В качестве *ratio agendi* – основания исследовательской деятельности, конструирующей социальный мир, – пространство мыслится как отношения (взаимного расположения) элементов

конструкции, а время – как их последовательность» [13. С. 37]. В классическом понимании категория пространства отсылает к таким характеристикам, как упорядоченность и структурированность. Во-первых, пространственность помогает осознать различие, данное в виде социальных отношений (а социальное отношение изначально существует как различие, т.е. дистанция между сторонами). Во-вторых, она позволяет нам зафиксировать взаимную соотнесенность и различие предметов в виде некой организации. Таким образом, структурирование социальной действительности всегда происходит в виде ее опространствливания, фиксирующего и организующего социальные различия. Напротив, категория времени отсылает к таким характеристикам, как изменчивость, процессуальность.

Как такового социального пространства, пустого и универсального, не существует. Структура социального пространства всегда обусловлена социальными отношениями, которые, собственно, и фиксируются в виде организации сходств, различий, близости, дистанции, упорядоченности, изменчивости. Специфика отношений может лежать в основе выделения специфических социальных пространств. И наоборот, социальные отношения не существуют в пустом или ограниченном пространстве. Каждое социальное отношение между двумя социальными сущностями всегда представляет собой пространственно-временной интервал и соседствует с другими такими же социальными отношениями, образуя вместе пространственно-временную целостность. Таким образом, упорядоченность и изменчивость выступают основными топикотемпоральными характеристиками сущих социального мира. При этом «ни пространственность-упорядоченность, ни временность-изменчивость, взятые сами по себе, изолированно друг от друга, не исчерпывают вариацию социальных различий» [13. С. 45]. Всестороннее и полное описание социального мира возможно только при использовании обеих членов этой дихотомии.

Проблема заключается в том, что само пространство-время социального мира является «непроблематизируемой предпосылкой социологического дискурса» [13. С. 37], оно не может быть объективировано и представлено с помощью «классических» социологических средств и требует философского обоснования. Объяснение, которым пользуется социология, является кантианским. Причем преимущественно кантианским оно остается и для неклассической социологии. В основе кантианского объяснения лежит признание пространства и времени в качестве априорных форм человеческого восприятия. Пространство и времени выступают в качестве основания всеобщей системы «отношений вещей вообще», «условия возможности явлений» [15. С. 78]. Во-первых, это означает, что в человеческое восприятие «встроен» определенный механизм, который все воспринимает в первую очередь имеющим пространственные и временные характеристики. Как бы мы не старались, мы не можем обойти этот механизм, он априорен, т.е. не определяется нашим опытом, а наоборот, определяет то, каким является наш опыт, в том числе социальный. Поэтому

мы все воспринимаем пространственно (и временно). Мы можем мыслить социальное пространство каким угодно: статичным, текучим, непрерывным и дискретным, но мы не можем не мыслить социальное пространство. То же самое касается и времени. Во-вторых, это утверждение акцентирует внимание на том, что наше восприятие и наше знание всегда организованы в форме системы [16]. То есть и пространство и время вместе образуют систему, определяющую наше восприятие социального.

Для социологии, пытающейся выстроить и объяснить картину социального мира, такой подход имеет несколько последствий. Концепт социального пространства-времени оказывается двойственным. Он одновременно выступает и истоком дискурса о социальном, и его предметом. То, что мы вообще мыслим социальный мир в категориях пространства-времени, – это условие а priori нашего мышления о социальном вообще. Но то, как мы это делаем, т.е. каким образом мы мыслим социальное пространство/время, – это характеристика а posteriori. Она не является произвольной, а обусловлена одновременно реальными социальными отношениями и видением картины социального мира в целом (т.е. состоянием поля научных понятий). С такой точки зрения видение социального пространства-времени всегда имеет конкретно-исторические черты и может трансформироваться.

В результате мы имеем два тезиса. Во-первых, тезис о метафоризации научного дискурса применительно к социологии: метафорический принцип организации выступает неотъемлемым свойством дискурса социологии и реализуется через цепочку сменяющихся базовых метафор социального. Во-вторых, тезис о пространственно-временной структуре научного дискурса. В данном контексте отметим, что сам феномен метафоризации может трактоваться как следствие непроблематизируемости и необъективируемости пространства-времени: они никогда (даже в научном дискурсе) не даются прямо, а всегда лишь более-менее опосредованно – в виде базовой метафоры.

Сочетание двух изложенных тезисов позволяет нам утверждать, что использование метафоры всегда и в первую очередь репрезентирует представление о пространственно-временной организации социального. Фактически речь идет о том, что метафора определяет не только проблемное и предметное поля или существование дихотомий. Ее использование подразумевает атрибутирование социальному определенным пространственно-временным характеристикам. С такой точки зрения можно продолжить тезис Анкерсмита о пространственном характере базовой метафоры (хотя он и не проблематизирует его таким образом), задав вопрос: почему базовая метафора является пространственной? – Метафора является пространственной, потому что она репрезентирует априорную форму нашего восприятия (которая по своей сути является пространственной).

Говоря другими словами, еще одним важным свойством базовой метафоры в социологии является ее пространственно-временная характеристика. Поскольку пространственно-временные характеристики социального не даны нам напрямую, а лишь через

использование метафоры, то и выбор базовой метафоры обусловлен теми пространственными и временными свойствами, которые имплицитно приписываются социальному миру. Таким образом, мы можем анализировать науку на предмет метафоричности ее языка, а метафоричность анализировать с точки зрения пространственно-временных отношений, маркером которых она является.

Выделим основные закономерности изменений пространственно-временных характеристик социального, сопровождаемых сменой базовой метафоры.

Органическая метафора положила начало выделению и противопоставлению двух типов методологических процедур, описанных О. Контом: «...поиска законов сосуществования (выяснения, почему определенные социальные феномены неизменно появляются вместе) и выявления, в противовес им, законов следования (установления, почему определенные социальные феномены неизменно либо предшествуют, либо возникают вслед за другими)» [2. С. 19–20]. В результате следствием установки на необходимость применения к социальному различным исследовательским процедур стало выделение в рамках социальной целостности пространственных и временных аспектов, что, в свою очередь, привело к созданию целого ряда схожих дихотомий: синхрония/диахрония, статика/динамика, структура/функции и т.д. Смысл всех этих противопоставлений сводился к выделению при исследовании социального пространственных и темпоральных аспектов. Таким образом, не только оказались разделены пространство и время, но само социальное стало мыслиться разделенным. В зависимости от целей исследования социальное могло рассматриваться либо структурно, либо динамически. При этом приоритет в изучении изначально отдавался изучению структуры, т.е. пространственным характеристикам: общество исследовалось с точки зрения его элементов, частей, «социальных фактов», институтов. Изучение развития социальной системы во времени, т.е. ее динамики, предполагало вычленение отдельных состояний/срезов социальной структуры, которые мыслятся последовательными и скрепленными «пустыми» временными интервалами.

Дальнейший процесс развития социологической теории проходит в направлении усложнения представлений о его пространственно-временной организации социального. Так, в рамках теории систем пространство и время продолжают мыслиться отдельно, но представляются все более сложными. Пространство концептуализируется в виде социальной структуры, оно представляется статичным, но усложняется и в плане количества составляющих элементов, и в их функциональной определенности. Иерархия элементов представляется все более сложной.

Также происходит усложнение в представлениях о времени, которое начинает осмысляться с точки зрения различных перспектив, таких как цикличность/линейность, ритмичность, ориентированность на прошлое и будущее и пр. Таким образом, время фактически осмыляется как относительная величина,

тесно связанная с сущностью социальных процессов и конкретно-историческими характеристиками.

Использование метафоры сети коррелирует с приобретением социальными пространством и временем качественно новых черт. Изменения происходят по следующим направлениям:

– Усложнение видения социального пространства приводит к признанию его топологичности, интерпретируемой как множественность, неоднородность, многослойность, многоцентричность и конвертируемость различных пространств. Подобное представление дополняет ранее сложившиеся представления о социальном пространстве как о сложной структуре, включающей различные подуровни, для которых характерны функциональная определенность и иерархические отношения. Единое социальное пространство не просто распадается на множество пространств, существующих параллельно (лучшим примером такой картины социального мира, конечно, является социальная топология П. Бурдьё). Новая пространственная организация подразумевает неоднородность пространства, которое отныне включает в себя не только «поля» взаимоотношений, но лакуны, сложные узлы множественных соединений, скрытые места (в качестве примера приведем концепты «hinterland» Дж. Ло [17], или «структурных дыр» Р. Бёрта [18]).

– Невозможность обнаружения единого истока приводит к проблеме отсутствия фундаментальных оснований и пересмотра статуса причинно-следственных связей. В складывающейся социальной организации «ни одно свойство любой части этой паутины (вселенной) не является фундаментальным; все они вытекают из свойств других частей, и общая согласованность их взаимосвязей определяет структуру всей паутины» [19. С. 43]. Каузальность и детерминированность сохраняются, но видоизменяются, выстраиваясь в сложную сеть взаимообусловленных связей. Сетевое пространство – это социальная организация без глубины, дна и фундаментальности, замкнутая на себя, словно уроборос.

– Изменяется понимание границ социального пространства. По мнению исследователей, «...отличие метафоры системы от метафоры сети заключается в том, что границы между системой и внешней средой хоть и считаются проницаемыми для воздействия, но все же существуют как черта отделения системы от внешнего мира. Метафора сети более динамична, она снимает проблему преодоления границ и вводит ощущение децентрации изучаемого пространства» [11. С. 110].

Признание всех этих свойств социального пространства ставит вопрос о переопределении критериев социальной целостности. Такие характеристики, как границы, центр, элементы, которые ранее обеспечивали возможность мышления социальной системы в качестве целого, теряют статус системообразующих. Основными системообразующими характеристиками становятся процессуальность и изменчивость, соответственно, социальная целостность начинает мыслиться не структурно, а процессуально. Это означает, что система в качестве целостности не определяется

больше через свои границы, так же как не определяется через единство структурных элементов. Целостность системы начинает определяться через единство процесса. Система – это место, где происходит процесс. Если элементы вовлечены в один процесс то они являются элементами одной системы.

Как мы видим, происходит постепенная смена системообразующих характеристик: «классические» пространственные характеристики теряют этот статус, зато его приобретают характеристики, которые до этого относились к темпоральным. На наш взгляд, этот момент является крайне важным для понимания логики происходящих изменений. Наделение пространства такими характеристиками, как текучесть, изменчивость, процессуальность, означает атрибутирование ему характеристик, которые до этого приписывались времени. Пространство прочитывается так же, как раньше прочитывалось время. Сама возможность фиксации какого-то состояния структуры теперь воспринимается как условность, методологическое и эпистемологическое допущение – ведь изменения в отдельных элементах системы никогда не прекращаются.

Восприятие времени также подвергается изменениям. Оно перестает восприниматься как пустой интервал между состояниями структуры. Напротив, длящиеся социальные процессы (например, затянувшаяся социальная трансформация), вполне могут интерпретироваться как состояния системы, т.е. как ее постоянная неизменная характеристика. «Способность времени разбиваться на времена и в то же время сохранять жесткое единство, подобно тому, как это происходит с пространством, создает условие возможности для образования коммуникационной “сетевой ткани”» [20]. Сети коммуникаций оказываются результатом сегментирования пространства и времени, которое происходит параллельно, но не обязательно является равномерным.

Можно полагать, что изменение характеристик социального пространства и времени и смена системообразующих характеристик приводят к тому, что социальная теория получает возможность бесконечной переинтерпретации категорий пространства и времени. Это означает, что все характеристики при необходимости могут быть отнесены и к социальному пространству, и к социальному времени, а характеристики, изначально принадлежащие пространству и времени, могут быть атрибутированы друг другу. Очевидно, что такая ситуация может трактоваться как признание относительности социального пространства и времени, которая постепенно начинает выступать методологической и эпистемологической установкой социальной теории.

В целом траектория понимания пространственных и временных характеристик социального может быть описана следующим образом: от первоначального разделения пространства и времени как двух аспектов рассмотрения социальной системы – через усложнение их понимания и атрибутирование им противоположных характеристик – до признания принципиальной относительности социальных пространства времени. Современные взгляды на пространство и время

можно интерпретировать, как попытку соединить воедино прежде разделенные аспекты социального, придав социальному пространственно-временную целостность. На данном этапе достигается это путем атрибутирования пространству и времени свойств, которые изначально не были им присущи. Относительность характеристик социальных пространства и времени можно рассматривать как характерную черту постнеклассической социологии.

Сопоставление особенностей смены в цепочке базовых метафор с изменением взглядов на социальное пространство-время позволяет сделать следующие выводы.

Мы мыслим социальную реальность всегда в пространственно-временных координатах. Но сама связь пространства и времени обладает конкретно-историческими характеристиками. Это проявляется в разных метафорах социальной реальности, в которых различные аспекты пространства и времени выражены с разной силой.

Смена метафор сопровождает переход между этапами развития в социологии от классического к неклассическому и постклассическому, и репрезентирует закономерность изменений пространственно-временных характеристик социального от первоначального разделения пространства и времени как двух аспектов рассмотрения социальной системы через атрибутирование им противоположных характеристик и до признания принципиальной относительности социальных пространства-времени.

Представления о дискретности пространства-времени и структурно-функциональной определенности социального репрезентируются в метафоре антропоморфного организма, призванной подчеркнуть непротиворечивую целостность и законосообразность социального.

Представления об относительности пространства-времени и сложной топологической структуре социального репрезентируются в метафоре живого (органического) неантропоморфного текучего пространства.

В представлении о социальном, несмотря на все изменения пространственно-временных характеристик, остаются постоянные черты, сохраняющиеся на всех этапах и выступающие в качестве критериев топологической устойчивости: 1) социальное мыслится целостностным и организованным (при этом понимание границ и оснований этой целостности, так же как и принципов организации, исторически меняется; социальное, которое изначально мыслилось преимущественно структурно организованным, теперь мыслится процессуально организованным); 2) социальное мыслится двойственным, возникающим на пересечении пространственно-временной соотнесенности, соответственно, обладающим пространственными и временными характеристиками. Наличие этих черт является отражением установки на то, что на всех этапах социальное мыслится как система.

На уровне метафор эти черты воспроизводятся в виде представлений о социуме не просто как о системе, а как о «живой» системе. Метафоры сети и поля, по сути, предполагают видение такого пространства взаимоотношений, которое чутко реагирует на проис-

ходящие внутри себя изменения и в зависимости от этого меняет расклад сил. Метафора ризомы, будучи фитоморфной, прямо отсылает к организму-растению. В результате метафора социального все время продолжает оставаться системной, органической и эволюционной. При этом базовая метафора в дискурсе социологии пока сохраняет свой пространственный характер, даже при том, что социальному пространству атрибутируются изначально темпоральные характеристики.

Изменения в видении социальных пространства и времени в направлении их усложнения продолжают непрерывно. В то же время существуют периоды, когда базовая метафора, несмотря на эти изменения, сама не меняется. При этом постепенно меняется ее содержание и содержание всех связанных понятий. Ж. Деррида отмечает, что для функционирования метафор характерны «износ» и «стирание» изначального смысла, а также приобретение «добавочной лингвистической стоимости». «История метафизического языка как будто смешивается со стиранием его действительности и износом его изобразительности» [21. С. 243]. Связано это, очевидно с природой метафорического: метафора содержит возможность быть наполненной некоторым содержанием, а потом изменить его, т.е. неким объемом и эластичностью.

Смена метафоры происходит в момент, когда нужный образ появляется в соседних дисциплинах либо когда появление новых феноменов актуализирует методы и понятия, которые до этого развивались в рамках одного из множества теоретических направлений. Концептуализация с помощью новых базовых метафор каждый раз позволяет перейти к рассмотрению новых качеств социальной системы, принципиальных для ее нового состояния. При этом каждое из понятий, изначально взятое «по аналогии», проходит путь от чисто метафорического к онтологическому, эпистемологическому и методологическому использованию.

Дискурс социальных наук может рассматриваться как системный дискурс о социальной системе, которая включает в себя пространственно-временную организацию и репрезентируется в метафоре социального, имеющей конкретно-исторический характер и отражающей специфический (исторически сложившийся) тип социальной организации.

Выражаясь метафорически, мы всегда смотрим на мир сквозь «метафорические очки». Это подразумевает, что для наилучшего понимания окружающего нас мира мы должны анализировать научный дискурс на предмет метафоричности его языка, а метафоричность анализировать с точки зрения пространственно-временных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук. Письмо и различие. М. : Академический проект, 2000. С. 445–466.
2. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект пресс, 1996.
3. Jaynes J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind. Boston; New York : Mariner Books, 2000.
4. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
5. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
6. Шенцева Е.А. Ризомы vs сеть // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 202–210.
7. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М. : ГУ ВШЭ, 2000.
8. Василькова В.В. «Текущая современность»: базовые параметры неопределенности // Мир человека: неопределенность как вызов. Серия: Синергетика: от прошлого к будущему. М., 2019. С. 146–158.
9. Яковлева Е.Л., Селиверстова Н.С., Григорьева О.В. Концепция электронного кочевника: риски развития цифровой экономики // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11, № 4. С. 226–241.
10. Делёз Ж., Гваттари Ф. Ризомы // Капитализм и шизофрения: Тысяча плато. Екатеринбург, 2010.
11. Отрешко Н.Б. Теоретические метафоры социальной реальности в современной социологии // Вісник Одеського національного університету. Соціологія і політичні науки. 2009. Т. 14, № 13. С. 107–114.
12. Степин В. С. Классика, неклассика, постнеклассика // Постнеклассика: философия, наука, культура. СПб. : Мирь, 2009. С. 249–295.
13. Качанов Ю.Л. Пространство-время социального мира в постструктуралистской перспективе // Личность. Культура. Общество. 2004. Т. 6, вып. 1 (21). С. 33–46.
14. Качанов Ю.Л. Эпистемология социальной науки. СПб. : Алетей, 2007.
15. Кант И. Критика чистого разума. М. : Наука, 1999.
16. Агошкова Е.Б., Ахлибининский Б.В. Эволюция понятия системы // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 170–179.
17. Law J. After Method: Mess in Social Science Research. Routledge : Taylor and Francis Group, 2004.
18. Burt R. The Social Capital of structural holes // New Directions in Economic Sociology. N.Y. : Russel Sage Foundation, 2001. P. 201–246.
19. Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем. Киев : София ; Москва : София, 2003.
20. Назарчук А.В. Социальное время и социальное пространство в концепции сетевого общества // Вопросы философии. 2012. № 9. С. 56–66.
21. Деррида Ж. Белая мифология. Метафора в философском тексте. Поля философии. М. : Академический проект, 2012. С. 242–311.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 4 апреля 2021 г.

Master Metaphors in Sociology as a Representation of the Spatio-Temporal Characteristics of the Social

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 471, 73–80.

DOI: 10.17223/15617793/471/8

Mariia R. Zazulina, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zamashka@yandex.ru

Keywords: metaphor; field; network; rhizome; social space; social time.

The article analyzes the trends and patterns of changes in the spatio-temporal characteristics of the social reflected in metaphors used by sociology. Master metaphors of the social are analyzed: the organism, the field, the network, the rhizome. The article shows

that all of them are spatial metaphors. In all these metaphors, the organic and evolutionist nature that was originally laid down in the ideas of the social is preserved. However, the very type of organicity implied in these metaphors is changing: the metaphors are becoming less anthropomorphic and more rhizomorphic. While remaining spatial, all these metaphors form the image of not just a fluid, but a living social space. The change in the master metaphor in sociology correlates with the change in the type of scientific rationality. Within the framework of classical sociology, the metaphor of the organism emerges and develops into the concept and metaphor of the system; in non-classical sociology, the metaphor of the system is transformed into the metaphor of the field and the network; in post-non-classical sociology, the metaphor of the network is transformed into the metaphor of the rhizome. The article focuses on the connection between the metaphor and the spatio-temporal characteristics of the social. The author infers that the change of metaphors represents a change in the spatio-temporal characteristics of the social: from the initial division of space and time as two aspects of the consideration of the social system – through the attribution of opposite characteristics to them – and to the recognition of the fundamental relativity of the social space-time. Ideas about the space-time discreteness and the structural-functional certainty of the social are represented in the metaphor of an anthropomorphic organism. This metaphor is designed to emphasize the consistent integrity and lawfulness of the social. Ideas about the space-time relativity and the complex topological structure of the social are represented in the metaphor of an organic non-anthropomorphic fluid space. The author also focuses on the fact that, at all stages of the development of sociology, the social is conceived as integral and organized, and has spatial and temporal characteristics. These qualities serve as topological stability criteria and set the basis for thinking of the social as a system, but the foundations of this integrity, the principles of organization, and the topic-temporal characteristics have a concrete historical character and can change. At the level of metaphors, “system” features are reproduced in the form of ideas about society, not just as a system, but as a “living” system. At the present stage of the development of sociology, the basic metaphor still retains its spatial character, but the characteristics inherent in time are attributed to social space.

REFERENCES

1. Derrida, J. (2000) *Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnykh nauk. Pis'mo i razlichie* [Structure, Sign, and Play in the Discourse of the Human Sciences. Writing and Difference]. Translated from French. Moscow: Akademicheskiiy proekt. pp. 445–466.
2. Sztompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [The sociology of social change]. Moscow: Aspekt press.
3. Jaynes, J. (2000) *The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind*. Boston; New York: Mariner Books.
4. Ankersmit, F.R. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafory* [History and tropology: the rise and fall of metaphor]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
5. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe]. Translated from English. Yekaterinburg: Ural State University.
6. Shentseva, E.A. (2015) Rizoma vs set' [Rhizome vs network]. *Voprosy filosofii*. 5. pp. 202–210.
7. Kastel's, M. (2000) *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [Informational era: economy, society, and culture]. Moscow: HSE.
8. Vasil'kova, V.V. (2019) “Liquid Modernity”: Basic Parameters of Uncertainty. In: *Mir cheloveka: neopredelennost' kak vyzov* [Human World: Uncertainty as a Challenge]. Moscow: Lenand. pp. 146–158. (In Russian).
9. Yakovleva, E.L., Seliverstova, N.S. & Grigor'eva, O.V. (2017) Concept of Digital Nomad: Fundamental Risks of Digital Economy Development. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*. 11 (4). pp. 226–241. (In Russian).
10. Deleuze, G. & Guattari, F. (2010) *Rizoma* [Rhizome]. In: Kuznetsov, V.Yu. (ed.) *Kapitalizm i shizofreniya: Tysyacha plato* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French. Yekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel'.
11. Otreshko, N.B. (2009) Teoreticheskie metafory sotsial'noy real'nosti v sovremennoy sotsiologii [Theoretical metaphors of social reality in modern sociology]. *Visnik Odes'kogo natsional'nogo universitetu. Sotsiologiya i politichni nauki*. 14 (13). pp. 107–114.
12. Stepin, V.S. (2009) Klassika, neklassika, postneklassika [The classical, the non-classical, the post-non-classical]. In: *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [The post-non-classical: philosophy, science, culture]. St. Petersburg: Mir'. pp. 249–295.
13. Kachanov, Yu.L. (2004) Prostranstvo-vremya sotsial'nogo mira v poststrukturalistskoy perspektive [Space-time of the social world in the post-structuralist perspective]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. 6:1 (21). pp. 33–46.
14. Kachanov, Yu.L. (2007) *Epistemologiya sotsial'noy nauki* [Epistemology of social science]. St. Petersburg: Aleteyya.
15. Kant, I. (1999) *Kritika chistogo razuma* [The Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Nauka.
16. Agoshkova, E.B. & Akhlibinitskiy, B.V. (1998) Evolyutsiya ponyatiya sistemy [Evolution of the concept of a system]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 170–179.
17. Law, J. (2004) *After Method: Mess in Social Science Research*. Routledge: Taylor and Francis Group.
18. Burt, R. (2001) The Social Capital of structural holes. In: Guillén, M.F. & Collins, R. (eds) *New Directions in Economic Sociology*. N.Y.: Russell Sage Foundation. pp. 201–246.
19. Capra, F. (2003) *Pautina zhizni. Novoe nauchnoe ponimanie zhivyykh sistem* [The web of life. A new understanding of living systems]. Translated from English. Kyiv: Sofiya; Moskva: Sofiya.
20. Nazarchuk, A.V. (2012) Sotsial'noe vremya i sotsial'noe prostranstvo v kontseptsii setevogo obshchestva [Social time and social space in the concept of a network society]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 56–66.
21. Derrida, J. (2012) *Belaya mifologiya. Metafora v filosofskom tekste. Polya filosofii* [White Mythology: Metaphor in the Text of Philosophy. Margins of Philosophy]. Moscow: Akademicheskiiy proekt. pp. 242–311.

Received: 04 April 2021